

Это обещание было дано без малейших колебаний, в тоне даже проскользнуло некое рвение — словно она... заранее готовилась прийти к ним на обед.

Цзян Юань даже заподозрила, что если бы Сюй Чэньюй не стала удерживать Лян Ци, та всё равно нашла бы способ остаться.

— Разве тебе не пора домой? — вопрос Цзян Юань прозвучал подчёркнуто мягко. В глубине души её интересовало совсем другое: почему Лян Ци так упорно пытается задержаться в их доме?

Хотя Цзян Юань была ещё молода, за те годы, что она прожила с Сюй Чэньюй, она повидала немало людей и с первого взгляда раскусила скрытые намерения Лян Ци.

Впрочем, недоумевая, Цзян Юань не стала отказывать гостю прямо. В конце концов, Лян Ци — такая же девушка, как и она, и один обед ничего не изменит.

— Я... моя мама сегодня на работе, дома никого нет, — тут же нашлась Лян Ци.

Возможно, из-за того, что тон Лян Ци звучал слишком убедительно, Цзян Юань поверила ей и не стала чинить препятствий:

— Раз так, отдохни у нас немного. Когда мама вернётся, я тебя провожу.

— Тогда... спасибо тебе! — Лян Ци спрятала руки за спину и ослепительно улыбнулась, в её глазах читалось облегчение.

Цзян Юань, какой она была перед окончанием старшей школы, оказалась вовсе не такой неприступной, как та, которую она знала.

Лян Ци кивнула:

— Спасибо.

В воздухе витал лёгкий аромат, напоминающий запах благовоний в храме; на тумбочке стояла статуэтка Будды.

— Спасибо, — Лян Ци отвела взгляд от фотографии и приняла из рук Цзян Юань чашку. Она заметила, что чашка выглядит на удивление мило.

— Хорошо, — сказала Цзян Юань, а затем, что-то вспомнив, добавила: — Да, мам, когда будешь готовить, не забудь оставить порцию для Муму, иначе он вернётся и опять будет ворчать, что

остался голодным.

Муму? Услышав это имя, Лян Ци смутно что-то припомнила. Она знала, что у Цзян Юань был младший брат по имени Цзян Му, но он скончался от болезни в тот год, когда Цзян Юань закончила университет. Они были очень близки, поэтому каждый год в праздник Цинмин Цзян Юань ходила на его могилу.

Однако, судя по тому, что на стене в спальне висел постер с балериной, Цзян Юань ещё не испытывала отвращения к танцам.

Время когда-то отняло у неё яркость, оставив лишь мягкость, похожую на воду, которая в ночной тьме становилась всё более холодной и разбитой.

На стене были развешаны фотографии с балетных соревнований, в которых участвовала Цзян Юань. Хотя её лицо ещё хранило детские черты, это не могло скрыть её живости. На каждой фотографии она сияла улыбкой. Лян Ци всмотрелась в её глаза и на мгновение ощутила иллюзию того, что встречается с ней взглядом сквозь время.

Цзян Юань протянула Лян Ци тапочки:

— Моя комната — слева, приляг на кровать, а я схожу на кухню, принесу тебе воды.

Она не была жадной. По отношению к своей жене она обладала бесконечным терпением, желая шаг за шагом приближаться к тому далёкому, недостижимому сердцу.

Пока Цзян Юань была на кухне, Лян Ци принялась тихонько осматривать квартиру. Двухкомнатная, стены немного обветшали, кое-где облупилась краска — жильё явно повидало немало лет.

Лян Ци знала, что Цзян Юань несколько лет занималась хореографией, поэтому у неё была прекрасная осанка. Как-то раз она встречала её с работы и столкнулась с коллегами Цзян Юань. Те рассказывали, что Цзян Юань с детства училась балету, но никогда не выступала на корпоративах. Однажды, когда они отдыхали дома, она случайно затронула эту тему, но увидела, как Цзян Юань отвела взгляд, закусила губу, а в её глазах блеснули слёзы. С тех пор она больше никогда не поднимала этот вопрос в её присутствии.

Цзян Юань заметила, что та немного задумалась, и, догадавшись о причинах, с досадой пояснила:

— Это выдали на школьном вечере искусств, у всех одинаковые.

Пока она была погружена в свои мысли, вернулась Цзян Юань с водой.

Говорят, глаза — это зеркало души. В этих прекрасных миндалевидных глазах Лян Ци видела настоящую страсть к танцу. Такое пылкое чувство Лян Ци никогда не встречала у своей жены в их совместной жизни.

— Это тёплая вода, не обжигает, можешь пить сразу.

— Юаньюань, обед будет готов через некоторое время, проводи Сяо Лян в комнату отдохнуть, — дала указание госпожа Сюй Чэньюй.

Лян Ци проследила взглядом за трещинами на стенах, доходя до пространства, принадлежащего только Цзян Юань, будто проходя по годовым кольцам памяти, приближаясь к её прошлому.

Это была прозрачная стеклянная кружка с оленёнком; на ней не только была шкала, но и приклеены два ушка. Она походила на детскую кружку для молока, и этот стиль совершенно не вязался с тем, какой она знала свою жену.

— Мой брат ушёл играть в мяч, — беспомощно сказала Цзян Юань. — Только выходные, и он сразу туда. На прошлой неделе при игре повредил кость, ещё не зажило, а он снова пошёл.

Спальня была небольшой, но очень аккуратной. В отличие от гостиной, в этой комнате не чувствовалось следов увядания, стены были чистыми и гладкими, сохраняя самое чистое и ясное сердце юной девушки.

Услышав слова о школьном вечере искусств, Лян Ци заволновалась и осмелилась спросить:

— Ты выступала на школьном вечере искусств?

Цзян Юань ответила:

— Да, балет.

— Должно быть, ты танцевала великолепно, — взгляд Лян Ци скользнул по фотографиям на стене. — Эти снимки такие красивые...

Цзян Юань осталась равнодушна к похвале. Она слышала слишком много лести, преследующей определённые цели, и давно научилась сохранять спокойствие.

Кто бы мог подумать, что после похвалы Лян Ци замолчит — словно это было действительно искреннее, идущее от сердца восхищение.

Цзян Юань перевела взгляд на свою кровать, убедилась, что простыни лежат ровно, и снова посмотрела на бледное лицо Лян Ци:

— Ты сегодня перегрелась на солнце, лучше приляг на кровать.

— О, хорошо. — Лян Ци присела на край кровати с кружкой в руках. Вода, которую налила Цзян Юань, была идеальной температуры — не холодная и не горячая. В таких мелочах Цзян Юань всегда была очень внимательна.

Цзян Юань села перед туалетным столиком и развязала немного ослабший хвост, собираясь причесаться. Увидев это, Лян Ци отставила кружку и предложила:

— Давай я помогу тебе причесаться.

Несмотря на то что Цзян Юань была мягкой и сдержанной по натуре, Лян Ци знала, что она очень следит за собой: после каждого душа долго возилась с волосами, в парикмахерской советовалась с ней насчёт укладки, даже при выборе одежды была очень разборчива.

— Ты? — Цзян Юань удивилась. Глядя в зеркало на явно неумелые движения Лян Ци, она невольно усмехнулась. Сама растрёпанная, а ещё берётся причёсывать её?

— Я большая мастерица делать причёски, — Лян Ци ничуть не смутилась. — Все, кому я делала, хвалили.

— Правда? Ты кому-то ещё делала причёски?

— Конечно. Ей очень нравилось, когда я её причёсывала, каждый раз хвалила моё мастерство.

— Кто она?

— Это... — Лян Ци слегка замешкалась. — Человек, который для меня очень важен.

Её голос был тихим, словно вздох, но Цзян Юань никак не отреагировала.

— Тогда давай попробуем. — Цзян Юань отложила расчёску и села перед зеркалом, выпрямившись — её осанка была благородной, а темперамент — холодным и в то же время нежным.

Лян Ци взяла расчёску и начала причёсывать её. В тот момент, когда она приподняла прядь волос, она случайно увидела открывшееся плечо Цзян Юань под футболкой — белое, гладкое, без каких-либо следов.

Она на мгновение замерла.

Она помнила, что на плече у Цзян Юань была красивая татуировка в виде розы. Когда она увидела её впервые, то была поражена — такой правильный, серьёзный человек, и вдруг решилась на такой бунтарский поступок, как тату. Но Цзян Юань лишь поправила воротник и сухо ответила: Там шрам. Только тогда она поняла, что татуировка нужна, чтобы скрыть следы увечья.

Дважды она спрашивала о прошлом, дважды касалась душевных ран своей жены.

Бог любит троицу, но она решила, что цифра два будет последней.

Она больше не стала расспрашивать. Она уважала свою жену и хотела её защитить. Лишь по ночам, в их интимные моменты, она целовала татуировку, скрывавшую шрам, словно надеясь, что так сможет вернуться в прошлое, разделить с ней те тяжёлые воспоминания и сделать боль не такой одинокой и долгой.

Цзян Юань почувствовала взгляд Лян Ци и с подозрением посмотрела на неё:

— Что такое?

Лян Ци ответила:

— Ничего, просто думаю, какая причёска будет смотреться лучше.

Цзян Юань сказала:

— Главное, чтобы волосы были собраны, причёска не так важна.

Лян Ци про себя вздохнула: «Это потому, что ты красивая, тебе любая причёска к лицу».

Восемнадцатилетняя Лян Ци была не такой яркой. Но у неё были правильные черты лица, открытый, солнечный характер и заразительная улыбка, так что в толпе она тоже не оставалась незамеченной.

Лян Ци сделала Цзян Юань два аккуратных пучка.

Она отложила расчёску, положила руки на плечи Цзян Юань и посмотрела в зеркало:

— Ну как?

Цзян Юань ответила:

— Средне.

Тщательно продуманная причёска не удостоилась похвалы, но Лян Ци не расстроилась. Она сказала:

— Стоит сменить цвет, и будет в самый раз. Тебе никто не говорил, что тебе пошли бы золотистые волосы?

— В старшей школе нельзя красить волосы.

— Когда-нибудь попробуй! — сказала Лян Ци, глядя на неё в зеркало.

— Тогда попробую! — когда-то Цзян Юань ответила так же, когда она призналась ей в своих чувствах.

«Если ты готова мне доверять», — подумала Лян Ци.

— Угу, — Цзян Юань ответила равнодушно, неясно, было ли это согласием или просто вежливым ответом.

Они коротали время в спальне, и вскоре из-за двери донёсся голос Сюй Чэньюй:

— Юаньюань, обед готов, зови Сяо Лян к столу!

— Хорошо, — Цзян Юань поднялась и сказала Лян Ци: — Пойдём обедать.

В гостиной.

Поскольку Сюй Чэньюй заранее не знала, что придёт Лян Ци, она приготовила обычные домашние блюда. Хотя они не отличались изысканностью, выглядели неплохо, а аромат был таким, что у Лян Ци немедленно разыгрался аппетит.

— Сегодня дома только такая еда, извини, Сяо Лян, — Сюй Чэньюй казалась немного смущённой, словно боялась, что перед одноклассницей дочери та может ударить в грязь лицом.

— Что вы, я очень рада попробовать вашу стряпню, — с улыбкой ответила Лян Ци.

Увидев, что они ещё не разложили еду, она сама встала помочь:

— Тётушка, спасибо за приглашение, вы не хлопчите, я сама всё разложу.

— Ой, как же так, Сяо Лян — гостья...

— Тётушка, не говорите так. Сегодня я перегрелась на солнце, если бы Цзян Юань не привела меня домой, не знаю, что бы со мной было, — Лян Ци открыла крышку рисоварки и принялась накладывать рис.

Она не знала аппетита Сюй Чэньюй, но аппетит Цзян Юань знала прекрасно. С тех пор как они познакомились, Цзян Юань ела очень мало и исключительно вегетарианскую пищу. Она часто подшучивала, что та слишком худая, даже спрашивала, не буддистка ли она, но Цзян Юань лишь смеялась и переводила тему. Сначала она, заботясь о том, чтобы жена была сыта, специально накладывала ей побольше, но позже перестала — спустя долгое время она узнала, что у Цзян Юань в старших классах из-за стресса развилась болезнь желудка, и насильное кормление лишь вызывало у неё дискомфорт.

Что касается Цзян Юань в школьные годы, хотя она была не такой худой, как в зрелости, её телосложение было довольно хрупким. Лян Ци инстинктивно решила, что много она съесть не сможет, поэтому, наложив Сюй Чэньюй полную чашку, Цзян Юань она наложила лишь четверть.

Лян Ци чувствовала лёгкую гордость, полагая, что она очень внимательна к Цзян Юань и знает всё до мелочей. Но она не ожидала, что Цзян Юань, взяв свою чашку, слегка нахмурится.

Цзян Юань не нашлась что ответить:

— Так мало риса... Ты же не птичку кормишь, как я этим наемся?

Лян Ци: «???»

<http://bllate.org/book/22074/2295455>